

Департамент образования и науки города Москвы
Самарский филиал
Государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»

Е. Е. Ивунина

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

*учебно-методическое пособие
для обучающихся бакалавриата*

Текстовое учебное электронное издание

Самара
2024

УДК 291(075.8)
ББК 86.2я73
И25

Издается по решению Ученого совета СФ ГАОУ ВО МГПУ

Автор – Ивунина Евгения Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент

Ивунина Е. Е.
И25 Религиоведение: учебно-методическое пособие для обучающихся бакалавриата. – Электронные текстовые данные (532 КБ). – Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2024. – URL: <https://samara.mgpu.ru/files/elibrary/filosofia/Religiovedenie.pdf>

В пособии даны основные рекомендации по изучению курса «Религиоведение» на очном отделении бакалавриата.

УДК 291(075.8)
ББК 86.2я73

Текстовое учебное электронное издание

Самарский филиал ГАОУ ВО МГПУ,
443081, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.
Формат 60x90¹/₈. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 3,75.

© СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2024
© Е. Е. Ивунина, 2024

Содержание

Основные функции религии	4
Возникновение религии и ранние ее формы.....	6
Становление религий Индии	14
Конфуцианство	21
Даосизм	26

Основные функции религии

Что такое религия? Как и когда она возникла? В чем ее смысл и сущность? Каковы причины живучести этого социального феномена? Ответить на такие вопросы нелегко. На протяжении многих веков лучшие умы человечества стремились найти рациональное объяснение причин возникновения столь специфической, иллюзорно-мистической, иррациональной формы мышления. За это время сложилась, оформилась специальная отрасль знания – религиоведение. Следует заметить, что она не имеет ничего общего с тематически близкой ей, но принципиально отличной от нее теологией. Цель религиоведения – серьезный анализ всей совокупности проблем происхождения, сущности и функций религии, ее места в обществе, истории, культуре, ее объективной роли на протяжении тысячелетий и в современном мире. Иными словами, цель религиоведения – познать и понять религию как форму общественного сознания, как социальный феномен.

Возникнув на заре человечества и складываясь веками, религиозные представления и верования, а также закреплявшие их догмы, культы, ритуалы и обряды опутывали сознание человека паутиной несбыточных иллюзий, искажали его восприятие мира. Укрепляясь в сознании людей, фиксируясь в памяти поколений, становясь частью культурного потенциала народа, страны или даже многих стран, система религиозных верований – религия – приобретала тем самым определенные социально-политические и культурно-этические функции.

Наиболее характерной для религии является *компенсирующая* функция. Религия всегда выступала в роли всё объясняющего покровителя и утешителя, посредника между слабостью человека и всемогуществом природных стихий. Именно поэтому религиозная концепция уже в ее самой ранней и примитивной модификации была призвана предохранить от злого воздействия непознанных внешних сил и в то же время научить, как избежать такого воздействия, защититься от него, задобрить злые силы. В специфической для нее иллюзорно-мистической форме она компенсировала бессилие человека, ограниченность его знаний, несовершенство социального устройства и т. д. Веря в богов и духов, принося им жертвы, молясь им и надеясь на их помощь, человек добровольно отдавал себя под покровительство незримых сверхъестественных сил, в чье всемогущество он искренне верил. С усложнением общества изменялись формы компенсации: обращаясь к религии и твердо веря в ее догматы, человек стремился найти в ней утешение, избавиться с ее помощью от несправедливостей и обид, социального неустройства и политических преследований. Но суть функции оставалась неизменной: в религии люди, и особенно религиозно активные слои населения (отшельники, аскеты, монахи, суфии и т. п.), искали путь к спасению от несовершенства земного существования, избавлению от страданий, бессмертию, слиянию с Абсолютом, вечной жизни на небесах и т. п.

Компенсирующая функция религии тесно связана с другой ее функцией – *интегрирующей*. Социальная значимость ее особенно важна. Объединяя лю-

дей в рамках санкционированного ею мировоззрения, любая религиозная концепция освящает сложившиеся нормы и существующие порядки и тем содействует социальной, идейной и политической интеграции. На ранних этапах развития общества это наиболее наглядно проявляло себя в феномене этноцентризма: любая этническая общность, объединенная системой единых верований, ритуалов, обрядов и мифов, считала именно свою систему норм эталоном, отклонение от которого в рамках данной общности считалось недопустимым, а в других общностях – достойным осуждения. С развитием общества формы и значимость этой функции становились более разнообразными. Религиозные нормы переставали быть этническими, а подчас перерастали чуть ли не в мировые, как это произошло с такими религиями, как христианство, ислам или буддизм. Однако суть функции от этого не менялась: преданность той или иной системе религиозных норм и поныне имеет огромное интегрирующее значение, считаться с которым необходимо и в политической практике наших дней.

Третьей важной функцией религии является *регулирующе-контролирующая*. Раз возникнув и сформировавшись, приобретя устойчивые структурные очертания, создав идейные догматы и практические методы воздействия на мышление и поведение людей, религия приспособливает к своим потребностям (либо создает заново) соответствующие ее нормам системы духовных и этических ценностей, ритуалы и церемониал, праздники и обряды, стереотипы поведения и т. д. В этой функции религия вплотную смыкается с культурной традицией, осуществляя над ней верховный идеологический контроль, регулируя ее принципы и практику. Строгость и обязательность этого контроля бывают различны и, в принципе, со временем, по мере развития общества, имеют тенденцию к уменьшению. Однако уменьшение такого рода действует далеко не автоматически, как это видно на примере ислама в наши дни. Таким образом, жизнеспособность регулирующие-контролирующей функции религии исключительна. Даже тогда, когда другие функции ослабевают и отступают под давлением современной науки, высокого образовательного ценза, выхода на передний план социальных либо национальных движений, эта функция позволяет той или иной религиозной доктрине цепко держать, используя инерцию традиций, многие стороны жизни людей, особенно на Востоке.

Следует подчеркнуть, что именно в рамках этой функции религии обычно закладывались и веками тщательно соблюдались основы религиозной морали, в свою очередь восходящие к общечеловеческим принципам этики, к понятиям о добре и зле, хорошем и плохом, справедливости и несправедливости. Религия всегда выступала хранительницей этих норм морали, а кризис религии вел к девальвации нравственных ценностей. Пожалуй, лучше других эту закономерность выразил Ф. М. Достоевский в «Братьях Карамазовых»: «Ежели Бога нет, то все дозволено...».

Наряду с перечисленными религия имеет и ряд других функций, важных для понимания ее роли в обществе. Одна из них – ее можно условно назвать *экзистенциальной* – касается философского аспекта религиозной концепции,

т. е. стремления религиозных теоретиков объяснить место человека в этом мире, его существование в мире ином, а также связанные с этим проблемы жизни и смерти, бытия и небытия. Вырастая на основе мифологии, религиозная философия разрабатывает генеральные мировоззренческие постулаты, создает систему более или менее непротиворечивых идей и представлений, совокупность которых призвана обеспечить верующим духовный комфорт, а также придать их существованию, их жизни определенный смысл и цель.

Еще одна, *политическая*, функция служит делу освящения власти, обожествления правителя и его верховных прерогатив («кесарю – кесарево»).

Обе эти функции, равно как и некоторые другие, отличаются от первых трех тем, что появляются и начинают играть существенную роль лишь на определенном, уже достаточно развитом этапе становления религии как феномена. Точнее, эти функции религии характерны для обществ, уже вышедших из недр первобытности, знакомых с цивилизацией и политической администрацией.

Возникновение религии и ранние ее формы

Истоки первых религиозных представлений предков современного человека тесно связаны с возникновением у них ранних форм духовной жизни. Возможно, что тысячелетиями накопленная практика охоты, которая являлась важнейшим моментом обеспечения существования, или практика погребения покойников уже формировала у членов первобытного стада нормы поведения. Эти нормы были продиктованы не только целесообразностью, но и верой в существование сверхъестественных сил, которые могут помочь или навредить. Однако это только предположение. Реально подобного рода кардинальные изменения наука фиксирует лишь около 40 тыс. лет назад, когда новый сапиентный человек стал быстро распространяться по планете, решительно вытесняя своих более отсталых предшественников.

Как же происходило формирование основ религиозного сознания?

Крайне скудный запас знаний, страх перед неведомым, полная зависимость от сил природы, прихотей окружающей среды и т. п. – все это неизбежно вело к тому, что сознание древнего человека с первых же его шагов определялось не столько вытекавшими непосредственно из опыта причинно-следственными связями, сколько связями эмоционально-ассоциативными, иллюзорно-фантастическими. Именно в рамках коллектива, например небольшой орды в 20–50 человек, в трудовой деятельности (охота, добывание пищи, выделка орудий, оборудование жилища, поддержание огня и т. п.), в постоянном социальном общении, в процессе семейно-родовых контактов и событий (обмен женщинами и брачные связи, рождение и смерть) складывались и укреплялись примитивные первичные представления о сверхъестественных силах, повелевающих миром, о духах-покровителях данного коллектива, о магических связях между желаемым и действительным. Этому времени были характерны два важных нововведения.

Во-первых, это практика захоронений. Пещерный человек хоронил своих близких в специальных погребениях, причем покойники проходили через обряд определенной подготовки их к загробной жизни: тело их покрывали слоем красной охры, рядом с ними клали предметы обихода, украшения, утварь и т. п. Это означает, что хоронивший своих умерших коллектив уже имел зачаточные представления о загробном существовании. И сколь бы еще смутными ни были эти представления, из них явствует, что загробная жизнь казалась древним людям продолжением жизни земной. Другими словами, в эту эпоху уже сложились идеи о существовании наряду с реальной жизнью иного мира – мира умерших и духов: считалось, что покойники могут как-то влиять на жизнь живых. Этим, в частности, и объясняется особая забота о мертвых.

Во-вторых, это практика магических изображений в пещерной живописи. Подавляющее большинство известных науке пещерных рисунков – это сцены охоты, изображения людей и животных, либо людей, ряженных в животные шкуры, а то и просто полулюдей-полуживотных. Эти изображения свидетельствуют о том, что первобытные люди верили в существование

сверхъестественных связей между людьми и животными. А также они верили в возможность воздействовать на поведение животных с помощью магических приемов, посредством обладающих могуществом в мире духов их покойных предков, либо при помощи посредников между живыми и умершими, т. е. различного рода колдунов и шаманов.

Эти связи между людьми и животными получили в представлении первобытных коллективов на стадии их трансформации из орд в родовые группы вполне определенное религиозное осмысление. Речь идет о тотемизме.

Тотемизм возник из веры той или иной группы людей в их родство с определенным видом животных или растений. Скорее всего, первоначально именно тех, что составляли основу пищи данного коллектива. Постепенно он превратился в основную форму религиозных представлений возникающего рода. Члены родовой группы (кровные родственники) верили в то, что они произошли от предков, сочетавших в себе признаки людей и их тотема (т. е. полулюдей-полуживотных, полулюдей-полурастений, различного рода фантастических существ и монстров). Тотемная родовая группа обычно носила имя своего тотема и свято почитала его. Вначале почитание, видимо, не исключало, а даже предполагало употребление тотемных животных и растений в пищу. Причем именно факт потребления мяса тотема мог натолкнуть на мысль о родстве человека и его тотема – ведь оба они в конечном счете состояли из одной и той же субстанции. Однако такого рода связи между людьми и тотемами относятся к глубокому прошлому, и косвенно об их существовании могут свидетельствовать лишь древние предания. Например, сохранившиеся среди австралийских аборигенов мифы, свидетельствующие о первоначальной тесной связи между тотемными представлениями и охотой с ее охотничьей магией и маскировкой людей в шкуры животных.

Тотемные представления сыграли огромную роль в процессе формирования родового общества: именно они более всего способствовали отграничению группы сородичей от остальных, возникновению четкого представления о *своих*, т. е. принадлежавших к данному тотему, на которых строго распространялись уже выработанные веками нормы и обычаи, и *чужих*, не принадлежавших к этому тотему и тем самым как бы стоявших вне всех принятых норм и обычаев данного коллектива. Эта важная социальная роль тотемизма сказалась и на характере эволюции тотемистических представлений. С течением времени, по мере укрепления родовой структуры, на передний план стало выдвигаться представление о тотемном первопредке с его смешанным зоантропоморфным обликом, о тотеме как о близком родственнике, о брачных связях между человеком и его тотемным родственником. Наконец, возникло представление о реинкарнации, т. е. о возможном перевоплощении человека (в частности, умершего предка) в его тотем и обратно. Все это вело, с одной стороны, к усилению культа мертвых предков и веры в их сверхъестественные возможности, а с другой – к изменению отношения к тотему, в частности к появлению запретов на употребление тотема в пищу. Возникла система запретов-табу, важнейший из которых относился к запрещению употреблять в пищу тотем, за исключением тех случаев, когда по-

требление мяса тотема носило ритуальный характер приобщения к нему и тем напоминало о древних нормах и правилах.

Возникший вместе с тотемизмом обычай табуирования стал в условиях первобытной родовой общины важнейшим механизмом регулирования социально-семейных отношений. Так, половозрастное табу разделило коллектив на строго фиксированные брачные классы и тем самым исключило половые связи между близкими родственниками. Пищевое табу не менее строго регулировало характер пищи, которая предназначалась вождю, воинам, женщинам, детям и т. п. Ряд других табу призван был гарантировать неприкосновенность жилища или очага, регулировать правила погребения, фиксировать права и обязанности отдельных категорий членов общины. Все эти табу бывали необычайно строгими. Так, в периоды инициации, т. е. приобщения юношей и девушек к числу взрослых мужчин и женщин, табу запрещало женщинам присутствовать при мужских обрядах, а мужчинам – при женских. Некоторые вещи, принадлежавшие вождю, в том числе и пища, также подчас бывали табуированы. Исследователи приводят примеры того, как воспринималось нарушение табу.

Как-то, уже в сравнительно недавнее время, один из племенных вождей в Новой Зеландии оставил остатки обеда, которые подобрал и съел член его племени. Когда последний узнал, что он употребил в пищу остатки трапезы вождя, что было табуировано, он стал корчиться в мучительных судорогах и вскоре умер. Примеры подобного рода далеко не единичны, причем все они свидетельствуют о том, что закрепленные в табу запреты почитались первобытным человеком в качестве священных и непреложных, нарушение которых неизбежно каралось смертью. Сам факт осознания нарушения табу парализует волю нарушителя, способность его организма к жизнедеятельности, внушает ему необходимость умереть.

Таким образом, тотемизм с его верой в обладающего сверхъестественными возможностями тотемного предка, с культом своих в противовес чужим, системой запретов-табу оказался исторически одной из первых форм религиозных представлений возникающей социальной общности – родовой общины. На раннем этапе формирования человеческого общества тотемизм выполнял основные функции религии – интегрирующую, регулирующе-контролирующую и даже в определенной степени компенсирующую. Правда, эту последнюю функцию значительно более полно выполняла в то далекое время другая ранняя форма религиозных верований и представлений – анимизм.

Анимизм – это вера в существование духов, одухотворение сил природы, животных, растений и неодушевленных предметов, приписывание им разума, дееспособности и сверхъестественного могущества. Зачатки анимистических представлений возникли в глубокой древности, возможно, еще до появления тотемистических воззрений, до формирования родовых коллективов, т. е. в эпоху первобытных орд. Однако как система достаточно осознанных и устойчивых взглядов религиозного характера анимизм формировался позже, практически параллельно с тотемизмом.

В отличие от тотемизма, ориентированного на внутренние потребности данной родовой группы, на отличия ее от других, анимистические представления имели более широкий и всеобщий характер, были понятны и доступны всем и каждому, причем воспринимались вполне однозначно. Это и естественно: первобытные люди обожествляли и одухотворяли не только грозные силы природы (небо и землю, солнце и луну, дождь и ветер, гром и молнию), от которых зависело их существование, но и отдельные заметные детали рельефа (горы и реки, холмы и леса), где, как они считали, тоже водились духи, которых следовало задобрить, привлечь на свою сторону и т. п. Даже отдельное заметное дерево, крупный камень-валун, небольшой пруд – все это в представлении первобытного дикаря имело душу, разум, могло чувствовать и действовать, приносить пользу или вред. А раз так, то ко всем этим явлениям природы, горам и рекам, камням и деревьям следовало относиться со вниманием, т. е. приносить определенные жертвы, совершать в их честь молитвенные обряды, культовые церемонии.

Восходящая к анимизму вера в то, что души людей, прежде всего покойников, продолжают свое существование главным образом именно в бестелесной форме, служила как бы соединяющим звеном между групповыми тотемистическими и всеобщими анимистическими верованиями и обрядами. Воздавая должное душам покойных предков, первобытные люди тем самым надеялись на защиту и покровительство покойников в гигантском мире потусторонних сил.

Таким образом, анимистические и тотемистические верования и обряды сливались в практике первобытного коллектива в единый, нерасчлняемый комплекс, в рамках которого суровые реалии повседневного быта и нелегкой борьбы коллектива за существование находили свое отражение. Это отражение было иллюзорно-фантастическим, причем функция приведения его в соответствие с реальной жизнью выпадала на долю магии.

Магия – это комплекс ритуальных обрядов, имеющих целью воздействовать на сверхъестественные силы для получения материальных результатов. Магия возникла параллельно с тотемизмом и анимизмом для того, чтобы с ее помощью можно было реализовать воображаемые связи с миром духов, предков, тотемов.

Возникнув в глубокой древности, магия сохранялась и продолжала развиваться на протяжении тысячелетий. Обычно магическими обрядами занимались специальные люди – колдуны и шаманы, среди которых, особенно в глубокой древности, видимо, преобладали женщины. Эти колдуны и шаманы, люди обычно нервного, а то и истеричного склада, искренне верили в свою способность общаться с духами, передавать им просьбы и надежды коллектива, интерпретировать их волю. Сам магический обряд приобщения к духам (шаманское камлание) состоял в том, что посредством определенных ритуальных действий, в каждом случае особых, шаман с бормотанием, пением, плясками, прыжками, со звуками бубна, барабана или колокольчика доводил себя до состояния экстаза (если обряд совершался публично, до состояния экстаза вместе с ним обычно доходили и следившие за его действия-

ми зрители, становившиеся как бы соучастниками ритуала). После этого шаман нередко впадал в транс, ничего не видел, не слышал – считалось, что именно в этот момент и происходит его контакт с миром духов.

В глубокой древности магические обряды носили, возможно, более общий характер и были менее дифференцированы. Позже дифференциация их достигла значительных размеров. Современные этнографы, в частности С. А. Токарев, разделяют магию по методам воздействия на контактную (соприкосновение носителя магической силы – колдуна-шамана или волшебного амулета – с объектом), инициальную (магический акт направлен на объект недостижимый, в силу чего осуществляется лишь начало желаемого действия, конец которого предоставляется сверхъестественным силам), парциальную (опосредствованное воздействие на волосы, пищу и т. п.), имитативную (воздействие на подобие объекта). По целям воздействия магия делится на вредоносную, военную, промысловую, лечебную и др.

В целом магия как серия ритуальных обрядов была вызвана к жизни реальными потребностями общества, которые в силу определенных непредсказуемых обстоятельств бытия диктовали такого рода путь связи с миром сверхъестественных сил. Однако в то же время магия сыграла немалую роль в закреплении в сознании людей пралогического мышления, что сыграло важную роль в процессе формирования религиозного сознания. Ведь по мере развития магического мышления человеку стало казаться все более очевидным и само собой разумеющимся, что желаемый результат зависит не столько от целенаправленного действия, сколько от приводящих обстоятельств, окутанных магией сверхъестественного. А это вело к тому, что многие конкретные явления и даже отдельные предметы начинали восприниматься в качестве носителей магической силы.

Возник *первобытный фетишизм*, суть которого сводится к приписыванию отдельным предметам магической силы, способной влиять на ход событий и получение желаемого результата. Возникло представление о фетише как вредоносном (таковым считался труп, чем и были вызваны заботы о захоронении, табуирование трупа, обряд очищения после обряда похорон и т. п.), так и полезном.

Фетишизм проявился в создании идолов – предметов из дерева, глины и иных материалов и различного рода амулетов, талисманов. В идолах и амулетах видели опредмеченных носителей частицы того сверхъестественного могущества, которое приписывалось миру духов, предков и тотемов. С фетишами такого рода нередко имели дело колдуны-шаманы, когда они воздействовали на подобие объекта согласно приемам контактной и имитативной магии.

Фетишизм явился как бы завершающей стадией процесса формирования всего комплекса ранних религиозных представлений первобытного человека. В самом деле, анимизм с его одухотворением природы и предков и тотемизм с его культом тех же мертвых предков и тотемов означали, что в сознании первобытных людей появилось представление о существовании наряду с миром реальных вещей мира иллюзорного, сверхъестественного. Причем в рам-

ках этого второго мира при всей бесплотности его обитателей ум первобытного человека видел ту же бесспорную реальность, что и в первом. Практически это означало, что ответственность за действия и события, не обусловленные очевидными причинно-следственными связями и зависевшие от воли случая, первобытный коллектив возлагал на потусторонние силы сверхъестественного мира. Для общения с этим миром, привлечения его сил на свою сторону первобытные люди обращались к помощи магии. И, наконец, появление фетишей показало, что магическая сила не только имеет свойство перемещаться во времени и пространстве, но и может оказаться в предметах реального мира.

Таким образом, в сознании первобытных людей в процессе становления родового общества выработался довольно четкий, стройный и обширный комплекс ранних религиозных представлений. Суть его сводилась к тому, что мир сверхъестественного с его огромными потенциями, свободной волей и магической силой является неотъемлемой и чуть ли не основной частью реального бытия человека. Именно силы этого мира регулируют законы природы и общества. И поэтому должное уважение к ним – первейшая обязанность коллектива, если он хочет нормально существовать, быть обеспеченным пищей, находиться под чьей-то защитой. Это представление о мире стало со временем само собой разумеющимся, естественным, в его русле долгие десятилетия тысяч лет протекала вся духовная жизнь общества – по крайней мере, до эпохи неолита, а для более отсталых народов и много позже, в отдельных случаях вплоть до наших дней.

Первобытная мифология. Комплекс верований и представлений первобытного человека, как и вся его реальная жизнь со всеми ее трудностями, проблемами и достижениями, находили свое отражение в устной традиции, а эта традиция, закрепляясь в умах и обрастая со временем фантастическими деталями, способствовала рождению мифов, возникновению первобытной мифологии.

Мифопоэтическое творчество всегда было тесно связано с духовной жизнью и религиозными представлениями людей. Это легко понять: коль скоро основой духовной жизни первобытного человека были его родство с тотемом, культ умерших предков, одухотворение мира или перенесение магической силы на идолы и амулеты, то неудивительно, что центральное место в мифологии занимали зооантропоморфные предки или обоготворенные герои, которым под силу любые чудеса. С именами так называемых культурных героев в мифах обычно ассоциировались важнейшие изобретения или нововведения, будь то добывание огня или установление форм семьи и брака, изготовление оружия и орудий труда или учреждение правил инициации. Большое место в первобытной мифологии занимали и космогонические сюжеты, т. е. предания о происхождении земли и неба, солнца и луны, растений и животных, наконец, человека. В мифах отчетливо прослеживается влияние тотемизма: духи нередко обладают волшебным свойством перевоплощаться, менять свой облик; обычным делом считаются брачные связи между человеком и животным, а то и фантастическим монстром.

В первобытной мифологии в образной форме обычно запечатлевались те важнейшие связи между жизнью и смертью, природой и культурой, мужским началом и женским, которые ранее всего осмыслились человеком в процессе его наблюдений, изучения законов мира. Анализ этих важнейших противостояний, как и вообще основных мифологических сюжетов, является ныне одним из важных источников для реконструкции древнейших этапов истории человека, для познания тех важных закономерностей, которые были характерны для жизни первобытного человека. В частности, этот анализ позволяет ставить вопрос о той большой роли, которую играли в первобытном обществе культурные влияния и заимствования.

Становление религий Индии

Ведический период

Основы религиозных систем Индии были результатом синтеза примитивных верований протоиндийцев – как аборигенных народов, так и иных (например, шумеров, нашествие ариев). Арийское нашествие, приблизительно с середины II тысячелетия до нашей эры, сыграло важную роль внешнего толчка, способствовавшего резкому ускорению развития древнеиндийской цивилизации. Причем в ходе этого процесса этнос, язык и религия ариев играли доминирующую роль. Протоиндийская цивилизация в это время клонилась к упадку, и арии его ускорили.

Древние индоарии – как и их европейские сородичи (предки германцев, славян, древние греки) или иранцы – одухотворяли и обожествляли животных, растения, явления природы. Центр тяжести их религиозной активности приходится на ритуалы жертвоприношений в честь богов и на связанные с этим культовые отправления. Кровавые жертвы не исключали и человеческие. Считалось, что человек – это высшая жертва божествам, конь – следующая, далее – бык, баран, козел. Жертвоприношения сопровождалось произнесением магических формул-заклинаний, обильным пиршеством с жертвенным мясом и возлияниями пьянящего напитка. Руководили ритуальной церемонией специальные жрецы, подразделявшиеся на ряд категорий.

Сложная и со временем все усложнявшаяся практика жертвенного ритуала была тем импульсом, который вызвал к жизни священные тексты ариев. Впоследствии, на рубеже II–I тысячелетий до н. э., эти тексты были оформлены в канонической форме в виде вед. Веды (от ведать) – это самхиты (сборники) священных песен и жертвенных формул, торжественных гимнов и магических заклинаний, использовавшихся при жертвоприношениях. Всего таких вед четыре.

Первая и важнейшая из них – «*Ригведа*». Это самхита из 1028 гимнов, собранных в 10 разделах-мандалах. В гимнах «*Ригведы*» содержатся словословия в честь важнейших богов, в торжественно-возвышенном стиле воспеваются их деяния, родственные связи, великие потенции и основные функции. Большое место в гимнах «*Ригведы*» занимают мифопоэтические образы и сюжеты.

Вторая веда, «*Самаведа*», – это самхита песнопений из 1549 песен, в основном (кроме 75) повторяющих гимны «*Ригведы*», варьирующих темы этих гимнов.

Третья, «*Яджурведа*», имеет несколько вариантов самхит, принадлежащих различным школам. Четыре варианта известны под наименованием «*Черной Яджурведы*». Она состоит из жертвенных формул-заклинаний и кратких прозаических комментариев к ним. Две другие самхиты этой веды («*Белая Яджурведа*») состоят преимущественно из гимнов (около 2000, разделенных на 40 глав). Содержание «*Яджурвед*» в основном также повторяет «*Ригведу*».

«Атхарваведа» – четвертая и позднейшая из вед. Названная по имени жрецов-атхарванов, она состоит из 731 заклинания в 20 частях.

Деление вед на четыре не было случайным – оно соответствовало разделению жреческих функций на церемонии жертвенного обряда. В момент такого обряда знаток «Ригведы» призывал богов, произнося соответствующие случаю гимны. Знаток «Самаведы» сопровождал обряд необходимыми песнопениями. Знаток «Яджурведы» совершал обряд, сопровождая его необходимыми формулами и заклинаниями. Наблюдатель-брахман контролировал церемонию в целом.

Религиозно-мифологический мир древних ариев был многослоен. Основу писания составляет извечная борьба добра и зла, созидательного и разрушительного начала Природы, борьба девов и асуров. Богов называли дева («сияющий», «светлый»). Многие из них связаны с принципом солнца и света в разных его проявлениях и воплощают силу порядка и гармонии. Не менее сильные существа, враждующие с богами, назывались асурами, от слова «асу» (особая магическая жизненная сила). Это древние божества тёмной природы, часто описываемые как змееподобные.

Наибольшее число гимнов посвящено царю богов Индре. Это верховный бог, бог-громовержец. Вооружённый громовой палицей, он разъезжает по небу на колеснице, влекомой могучими конями. Главный подвиг Индры, составляющий основу ведийской мифологии, – борьба с Вритрой, демоном засухи, и прочими змееподобными демонами. Этот ведийский гимн, по сути, является мифом о сотворении.

В этом гимне Вритра предстаёт в образе огромного змея или дракона, лежащего на горе. Индра ударом молнии высвобождает из брюха дракона воду и солнце – важнейшие стихии и элементы космоса. Он организует пригодный для жизни людей космос. Именно благодаря Индре, потенциальный и непроявленный мир становится миром реальным: в нём возникают свет и тьма, верх и низ, жизнь и смерть – одним словом, двойственность.

Другое божество – Варуна – предстаёт в гимнах как вседержитель мирового закона круговращения Вселенной, закона справедливости (своего рода, предтечи Дхармы и Кармы), гармоничной самоорганизации мира. Этот закон является основой мира и приводит в движение Вселенную, обеспечивает поддержание порядка в космосе и в человеческой жизни, сопряжённость жизни общества и отдельного человека с ритмами космоса.

В более поздних книгах Ригведы приведены другие космогонические гимны. В этих гимнах задаются вопросы о начале мира, о «точке опоры», о том, из какого леса и дерева «вытесали небо и землю», что находилось по ту сторону «богов и демонов» и что же было первым зародышем, в котором содержалось всё живое. В одном из гимнов рассказывается, что весь многообразный мир произошёл из Пуруши – первого человека, которого боги принесли в жертву, расчленив его. Из его частей возникли варны.

Очень известным и почитаемым ведическим богом был Агни, бог огня – как жертвенного пламени, так и домашнего очага. Агни считался покровителем семьи и дома, дарителем счастья и здорового потомства, кем-то вроде

посредника между землей и небом, людьми и богами. Молодой благожелательный Агни был всеми любим. Почти 200 гимнов Ригведы посвящены этому богу.

Также хочется упомянуть такие божества, как Митра – бог света и дня – и Варуна – бог ночи, хранитель вечного порядка, знающий все обо всех, наказывающий виновных и прощающий покаявшихся.

Менее известными и почитаемыми были жены богов, чаще именовавшиеся по мужу (Индрани, Вару-нани, Агнайи). Лишь немногие из богинь играли самостоятельную роль в пантеоне.

У ариев, как и у древних греков, кроме полных богов были и полубоги. Наиболее известны из них апсары – вариант греческих нимф. Апсары соблазняли богов и героев. Но более охотно они соблазняли аскетов-отшельников, которые, «впав в грех», теряли тем самым приписываемую им сверхъестественную силу, власть в мире богов.

Брахманский период

Следующим этапом после ведического является брахманский этап. Его датируют примерно началом первого тысячелетия до нашей эры. Брахманизм – явление уже новой эпохи, довольно далеко ушедшей от эпохи вед с ее первобытно-примитивной практикой жертвоприношений в честь племенных арийских богов. Долгие века трансформации и постепенное распространение в северной Индии сложных социальных структур привело к заметному раслоению древнеиндийского общества. Начинают складываться основы кастового строя в Индии. Выделяют четыре касты или Варны: брахманы (жрецы), кшатрии (войны и князья), вайшьи (земледельцы, скотоводы, ремесленники, торговцы), и шудры (слуги). Три первые касты были арийскими по своему происхождению, четвёртая включала потомков покорённых аборигенов Индии, этнически отличавшихся от завоевателей.

Для брахманизма характерны многобожие с включением в пантеон различных местных племенных божеств, сохранение анимистических и тотемистических воззрений, культ предков. Верховным богом брахманизма был Брахма. Это был бог-творец, создатель Вселенной и её олицетворение и душа. Кроме Брахмы были ещё два высших бога: благодетельный Вишну и грозный Шива, олицетворяющие производительные силы природы. Видное место начинают занимать женские божества, которые практически отсутствовали в ведической религии. Более того, у многих мужских божеств появляется своя женская пара.

Именно с богом Брахмой стали связывать кастовое устройство. Древний миф повествует о том, что касты произошли из разных частей тела Брахмы. Из его уст появились брахманы, из рук – кшатрии, из бёдер – вайшьи, а из ступней – шудры. Каста брахманов имела наиболее высокий статус в обществе. Жрецы-брахманы приносили жертвы богам, совершали обряды, служили советниками у царей, держали в своих руках монополию на грамотность, священные тексты, знания. Считалось, что сам Брахма освещал общественное неравенство, объясняя деление общества на варны установлением богов.

Именно в брахманскую эпоху формулируются основные религиозные идеи, ставшие общими для брахманизма, буддизма и индуизма. В основе вероучения брахманизма лежало представление об одушевленности природы и о перевоплощении всех живых существ. Душа человека, согласно представлениям брахманов, после смерти тела не погибает, а переселяется в другое тело. Происходит перевоплощение души – реинкарнация. Возрождение души в той или иной телесной оболочке происходит как воздаяние (карма) за добродетельность или греховность предшествовавшая в жизни. В первом случае душа возрождается в теле человека более высокого общественного положения или даже небожителя. А во втором – низкого общественного положения или в животном или растении. Критерием оценки поведения человека было выполнение или нарушение им дхармы – определённого образа жизни, установленного якобы Брахмой для каждой варны. Непрерывное колесо перерождений называлось сансарой.

Значительное влияние в брахманский период получила религиозно-философская литература. В первую очередь это были многочисленные богословские трактаты.

Индуизм

В борьбе с буддизмом и под его влиянием брахманизм в первом тысячелетии нашей эры трансформировался в индуизм.

Основы индуизма восходят к ведам и окружавшим их преданиям. В ходе переработки религиозной доктрины она становится доступной народным массам. Преломленные сквозь призму мифопоэтического восприятия, обогащенные неарийскими и доарийскими верованиями, суевериями и божествами древние ведические принципы в упрощенном виде стали доступными для всех. Народный индуизм воспринял и сохранил древние представления о карме, о святости вед. Однако все это было до предела упрощено, что наиболее заметно на примере трансформации пантеона.

Большинство ведических богов ушло в прошлое. Лишь немногие из них, да и то в основном из-за упоминания в мифах и распространенных эпических сказаниях, сохранились в памяти народа. Не сумели заменить их и божества брахманизма (Брахма, Пуруши). Наиболее очевидно, это объясняется чрезвычайной абстрактностью этих богов. Правда, эти божества продолжали существовать в памяти и действиях религиозно активных групп населения. Они были богами жрецов-брахманов, йогов и т. п. Однако подавляющая часть народа не могла воспринимать и тем более любить таких богов, восхищаться ими, уповать на их помощь, реально и зримо представлять себе их силу и могущество, их власть и возможности. Слишком далеки от людей были эти боги.

Неудивительно поэтому, что в упрощенном и переработанном для нужд широких народных масс индуизме на передний план вышли новые божества. А точнее, новые ипостаси все тех же древних, чуть модифицированных богов, которые были давно известны, но обрели новую жизнь и высочайший престиж именно в рамках заново складывавшейся религиозной системы ин-

дуизма. Эти боги были ближе и понятнее людям. Разумеется, их несколько иначе и почитали.

Во-первых, кровавая ведическая жертва была вытеснена богослужением без жертв. Хотя и считалось по традиции, что убийство ради бога – это не убийство, характер ритуала жертвоприношения стал избирательным. А тезис, что убийство ради бога – не убийство, окончательно не отвергнут и поныне: кровавые, в том числе человеческие, жертвы подчас практикуются в глухих районах Индии и в наши дни, например, в честь некоторых богинь плодородия. Во-вторых, в начале нашей эры в Индии широко распространилась практика изготовления идолов-изображений и храмов в их честь. Изображенный в скульптурной и художественной форме почитаемый бог приобрел антропоморфный облик, пусть даже с несколькими головами-лицами, множеством рук. Тем самым он становится более близким, конкретным, наделенным всеми присущими ему атрибутами, сопровождаемый сопутствующими ему животными. Этот бог, помещавшийся в посвященном ему храме, был понятен каждому. Его облик, атрибуты, животные символизировали его прерогативы, склонности и возможности, хорошо известные каждому из мифов и сказаний. Зная биографию божества, люди были должным образом ориентированы и ожидали от любого бога именно то, что он, как считалось, может дать. Таких своих, понятных богов можно было любить, опасаться, на них можно было надеяться. И, наконец, в-третьих, главные индуистские боги в отличие от их древних предшественников, бывших в основном нейтральными к массам населения, имели уже приверженцев, т. е. тех, кто предпочитал поклоняться своему избраннику и общаться преимущественно с ним.

Важнейшими из многочисленных богов индуизма считаются трое (тримурти) – Брахма, Шива и Вишну. Обычно отмечают, что эти трое в системе индуизма как бы поделили между собой основные присущие верховному богу функции – созидательную, разрушительную и охранительную. На деле это не вполне так, функции их подчас совпадают. Тем не менее каждый из этой троицы имел свое лицо, характер, свою сферу действия.

Первым из трех считается Брахма – наименее «индуистский» из трех и довольно резко отличающийся от двух других. Его основная функция (творец, созидатель), имя, явно аскетические наклонности говорят о его происхождении – брахманизм. Но индуистский Брахма является более удобопонятной модификацией своего древнего прототипа. Он имеет облик, лицо (даже четыре лица!). Следуя предписанной ему в индуизме функции, Брахма оказался именно тем богом, который создал мир. Брахма как непременный, даже первый член тримурти был необходим – без него ничего бы не было. Однако заслуги его перед миром живого, перед человеком считались не слишком значительными. А иных функций и достоинств у этого бога не было. Соответственно Брахма не очень-то и почитается. Число посвященных ему храмов исчисляется единицами, а в повседневных обрядах и ритуалах о нем, как правило, не вспоминают. Словом, Брахма и в индуизме остался неким брахманистским абстрактным богом. Но если к Брахме брахманского

периода стремились аскеты и йоги, то к Брахме в индуизме никто особенно не стремился.

С Брахмой связан популярный миф о сотворении мира: в первобытных водах появилось золотое яйцо, в яйце – Брахма. Силой своего духа он разделил яйцо на две половинки, небо и землю. Затем Брахма сотворил атмосферу, первоэлементы, богов, время, планеты, горы и реки, людей с их чувствами, животных, растения и т. п. Выполнив эту нелегкую работу, Брахма в дальнейшем больше отдыхал, оставался погруженным в самосозерцание. У Брахмы рождаются силой духа сыновья. Именно они становятся родоначальниками богов и людей. Другой важный мифологический сюжет связан с супругой Брахмы – Савитри. Создав сыновей, Брахма не получает удовлетворения и решает облегчить своё существование, породив с помощью произнесения священного слога из половины своего тела богиню Савитри. Очарованный ею, Брахма создаёт себе четыре лица, чтобы, не отрываясь, смотреть на Савитри. Заметив страсть Брахмы, она отправляется на небеса. А у Брахмы возникает пятое лицо, обращённое вверх. Но Шива, недовольный этим, отрубил пятое лицо, оставив четыре. Некоторые версии мифа исходят из того, что тем самым Шива дал почувствовать Брахме, что тот не выше его. В другом мифе рассказывается, как Вишну наказал Брахму за то, что тот не откликнулся на страстный любовный призыв нимфы Мохини, облик которой обычно принимал сам Вишну. В наказание за такое пренебрежение Вишну потребовал от Брахмы покаяния и тем опять-таки дал почувствовать ему его место.

подавляющее большинство индуистов делится на шиваитов и вишнуитов, предпочитающих соответственно Шиву или Вишну.

Бог Шива очень противоречив. Главной его функцией считается разрушительная (бог смерти, разрушения, изменения). Это частично связано с тем, что Шива – покровитель аскетов, стремящихся к такому разрушению и изменению, к слиянию с Вечностью и Абсолютом.

Однако в культе Шивы на передний план вышел иной момент: культ жизненной силы и мужского начала стал основным в шиваизме. Столбовидные каменные изваяния в храмах и домашних алтарях индийцев символизируют мощь и животворящие потенции Шивы. Это же символизируется обликом бычка Найди. Бычок Найди – атрибут Шивы, он всегда рядом со своим хозяином. К Шиве обращаются жаждущие потомства, в его храм стекаются бездетные женщины, ожидающие от его мощи реального содействия. Шива считается также грозой демонов, в битвах с которыми он не раз проявлял чудеса героизма. Существует миф о выпитом им яде, который иначе мог бы уничтожить все. От этого яда белая шея Шивы посинела, и потому на изображениях этого бога шея синяя. В плане борьбы с демонами, со злом Шива чаще всего выступает в функции грозного разрушителя. В этой же своей ипостаси Шива обычно воспринимается и в момент танца. Шива – бог ритма и танца. На лбу Шивы, между бровей, – третий глаз, глаз гневного разрушителя.

Третий бог – Вишну. Вишну мягок и непротиворечив, его основная функция сохранительная. Он прост и максимально близок людям, особенно

склонным к эмоциональному (а не рациональному) восприятию божества. Четырехрукий Вишну обычно изображается восседающим на плывущем по первобытным водам вселенной тысячеглавом драконе Шеше или на троне в виде белого лотоса. Он миролюбив, но склонен к проказам. Так, в облике черепахи Вишну научил богов приготовить из первобытного океана напиток, дабы стать бессмертным. Затем в облике нимфы Мохини он внес раздор в стан божественных сил, дав выпить напиток богам и отказав в нем демонам, что явилось причиной появления другого демонического напитка – яда, грозившего погубить всех (только Шива, выпивший яд, спас положение). Наконец, в облике карлика Вишну явился как-то к демону Бали и попросил клочок земли. Бали не отказал карлику. Но как только Вишну стал мерить землю (речь шла о трех шагах), то превратился в великана, причем первыми двумя шагами он охватил весь мир, а третьим вдавил самого Бали под землю, позволив ему раз в год возвращаться (еще и теперь на юге Индии празднуют день возвращения Бали).

Характерны отношения Вишну с его женой. Богиня Лакшми всегда рядом с мужем, она нежно любит его. У Вишну бесчисленное множество превращений-аватар, однако основных десять. В первых четырех он выступает в облике животных: рыба, черепаха, вепрь, человек-лев. Пятое обличье – карлик-великан. Остальные пять известных аватар Вишну – Парашурама (прославившийся своими подвигами воин), Рама, Кришна, Будда и мессия Калка, приход которого еще ожидается. Но наиболее любимые в Индии аватары Вишну – это Рама и Кришна.

Конфуцианство

Конфуций (Кун-цзы) – первый из китайский философов, личность которого полностью исторически достоверна. А его жизненный и творческий путь подробно освещается в оригинальных сочинениях VI–I веков до нашей эры. Известно, что он родился в 551 (552) году до нашей эры в семье обедневших аристократов. Большую часть своей жизни Конфуций провёл в царстве Лу, бывшем одним из главных культурных центров Китая того времени. В возрасте 30 лет он ушёл со службы (из аппарата удельного князя царства Лу) и открыл частную школу, став первым в истории Китая профессиональным преподавателем. Обучение в школе Конфуция прошли по легенде в общей сложности 3000 студентов. Одновременно с педагогической деятельностью Конфуций занимался изучением древних текстов, на основании которых он разрабатывал собственную систему взглядов. Достигнув пятидесятилетнего возраста, Конфуций решил вернуться к карьере государственного деятеля. Он совершил несколько путешествий по царствам Китая, надеясь заинтересовать правителей разработанным учением. Однако все его усилия были бесполезны. Последние годы жизни он провёл в царстве Лу, где и скончался в 479 году до нашей эры. После смерти Конфуция его многочисленные ученики и последователи образовали несколько различных школ в рамках общей философской традиции.

Конфуций родился и жил в эпоху больших социальных и политических потрясений, когда чжоуский Китай находился в состоянии тяжелого внутреннего кризиса. Власть чжоуского правителя-вана давно ослабла. Хотя номинально он продолжал считаться сыном Неба и сохранял свои функции первосвященника. Разрушались патриархально-родовые нормы, в жестоких междоусобицах гибла родовая аристократия, а на смену ей приходила централизованная власть правителей отдельных царств, опиравшихся на складывавшийся вокруг них административно-бюрократический аппарат из незнатных служащих чиновников. Как явствует из древнекитайской хроники, правители и их родственники, аристократы и сановники в безудержной борьбе за власть, влияние и богатство не останавливались ни перед чем, вплоть до безжалостного уничтожения родных и близких. Крушение древних устоев семейно-кланового быта, междоусобные распри, продажность и алчность чиновников, бедствия и страдания простого народа – все это вызывало резкую критику ревнителей старины. Объективная обстановка побуждала их выступать с новыми идеями, которые можно было бы противопоставить царившему хаосу. Однако для того, чтобы это отрицание современности имело моральное право на существование и приобрело необходимую социальную силу, оно должно было опираться на признанный авторитет. Конфуций нашел такой авторитет в полулегендарных образцах глубокой древности.

Стремление опираться на древние традиции и тем самым воздействовать на современников в желаемом направлении знакомо истории всех обществ. Однако особенностью конфуцианства было то, что в его рамках это естественное стремление было гипертрофировано и со временем превратилось чуть

ли не в самоцель. Выступив с критикой своего века и высоко ставя века минувшие, Конфуций на основе этого противопоставления создал свой идеал *совершенного человека (цзюнь-цзы)*.

Высокоморальный человек, сконструированный философом в качестве модели, эталона для подражания, должен был обладать пятью добродетелями: гуманностью, благопристойностью, чувством долга, мудростью, верностью. Понятие *гуманность (жэнь)* трактовалось Конфуцием необычайно широко. Оно включало в себя множество качеств: скромность, справедливость, сдержанность, достоинство, бескорыстие, любовь к людям и т. п. Жэнь – это высокий почти недостижимый идеал, совокупность совершенств, которыми обладали лишь древние. Из современников Конфуций, включая и себя, считал гуманным лишь своего рано умершего любимого ученика. Однако одной гуманности недостаточно. Категория *благопристойности (ли)* определялись обрядовые акции, этикетно-ритуальное уложение и правила взаимоотношений между людьми и поведение каждого отдельного индивида. Необходимо обладать еще одним важным качеством – *чувством долга (и)*, продиктованным внутренней убежденностью в том, что следует поступать именно так, а не иначе. Долг – это моральное обязательство, которое гуманный человек в силу своих добродетелей накладывает на себя сам. Чувство долга, как правило, обусловлено знанием и высшими принципами, но не расчетом. «Благородный человек думает о долге, низкий человек заботится о выгоде», – учил Конфуций. В понятие долга поэтому включались стремление к знаниям, обязанность учиться и постигать мудрость древних. Следующая категория – это *мудрость (чжи)*. Она охватывает всю умственно-гносеологическую деятельность человека: степень эрудированности, а также такие качества, как умение разбираться в людях, проницательность, провидческий дар. Категория *верности (син)* тоже охватывает собой весь спектр соответствующих понятий. От преданности стране и отцу до верности собственным убеждениям и данным обещаниям.

Следование всем этим принципам было обязанностью благородного цзюнь-цзы. В сомнении он должен сдерживаться, в гневе – обдумывать поступки, в выгодном предприятии – заботиться о честности; в юности он должен избегать вожделений, в зрелости – ссор, в старости – скряжничества. Истинный цзюнь-цзы безразличен к еде, богатству, жизненным удобствам и материальной выгоде. Всего себя он посвящает служению высоким идеалам, служению людям и поиску истины. Познав истину утром, он «может спокойно умереть вечером».

Таким образом, «благородный человек» Конфуция – это умозрительный социальный идеал, назидательный комплекс добродетелей. Однако с течением времени и в связи с ростом авторитета Конфуция и его учения этот абстрактно-утопический идеал все более становился обязательным для подражания эталоном. И приблизиться к нему было делом чести и социального престижа для каждого. К этому времени многое в созданном Конфуцием идеале изменилось.

Конфуций вполне искренне стремился создать идеал рыцаря добродетели, боровшегося за высокую мораль, против царившей вокруг несправедливости. Но, как это нередко случается, с превращением его учения в официальную догму на передний план выступила не суть, а внешняя форма, проявлявшаяся преимущественно в демонстрации преданности старине, уважения к старшим, напускной скромности и добродетели. Многочисленные последователи и почитатели Конфуция стали видеть в идеале цзюнь-цзы не столько выражение внутренней цельности и благородства, сколько внешнее оформление благопристойности. В средневековом Китае постепенно сложились определенные нормы и стереотипы поведения каждого человека в зависимости от занимаемого им места в социально-чиновной иерархии. Они нашли свое наиболее наглядное отражение в том, что обычно именуется «китайскими церемониями».

В любой момент жизни, на любой случай, в счастье и горе, при рождении и смерти, поступлении в школу или назначении на службу – всегда и во всем существовали строго фиксированные и обязательные для всех правила поведения. «Ли цзи» – «Книга ритуалов» – памятник-обрядник, воспроизводящий ритуально-этикетное уложение чжоуского Китая и содержащий в себе развернутое описание отдельных обрядовых акций. Все записанные в этом обряднике правила следовало знать и применять на практике. Так учение Конфуция о цзюнь-цзы, модернизированное и приспособленное к потребностям централизованной империи с ее мощным бюрократическим аппаратом, стало одной из основ, на которых зиждилось гигантское здание китайского государства.

Конфуций, отталкиваясь от сконструированного им социального идеала, сформулировал основы того социального порядка, который хотел бы видеть в Поднебесной: «Пусть отец будет отцом, сын – сыном, государь – государем, чиновник – чиновником», т. е. пусть все в этом мире хаоса и сумятицы станет на свои места, все будут знать свои права и обязанности и делать то, что им положено. Упорядоченное таким образом общество должно состоять из двух основных категорий: верхов и низов – тех, кто думает и управляет, и тех, кто трудится и повинуется. Такой социальный порядок Конфуций, как и все его последователи, считали вечным и неизменным, идущим от мудрецов легендарной древности. Критерием разделения общества на верхи и низы должны были служить не знатность происхождения и тем более не богатство, которое Конфуций откровенно презирал, а только знания и добродетели, а точнее – степень близости человека к идеалу цзюнь-цзы.

Формально этот критерий открывал путь наверх для любого, и сам Конфуций гордился тем, что давал свои знания всякому, кто приносил «связку сушеного мяса», т. е. плату за обучение. Фактически же дело обстояло много сложнее: сословие чиновников было отделено от простого народа трудно-преодолимой преградой – «стеной иероглифов», т. е. грамотностью, которая и определяла социальное положение человека на протяжении всей истории Китая. Было специально оговорено, что ли (т. е. церемонии, обряды) не имеют отношения к простонародью и что грубые телесные наказания не приме-

няются по отношению к грамотеям. Правда, удачливые выходцы из низов, овладев грамотой, могли сделать карьеру и оказаться наверху. Но в принципе это ничего не меняло: получив образование и конфуцианское воспитание, любой становился опорой того порядка, к неизменности которого призывало само учение.

Конечной и высшей целью управления Конфуций провозглашал интересы народа. Конфуций сурово осуждал своего бывшего ученика Цю, ставшего министром, за непомерные поборы с крестьян («Он не мой ученик!»). Из трех важнейших элементов государства на первом месте стоит народ, на втором – божества и лишь на третьем – государь. Однако те же апостолы конфуцианства были глубоко убеждены в том, что самому народу его собственные интересы непонятны и недоступны и что без постоянной отеческой опеки образованных конфуцианцев-управителей он обойтись никак не может: «Народ следует заставлять идти должным путем, но не нужно объяснять, почему» (Луньюй, гл. VIII, § 9).

Одной из важных основ социального порядка, по Конфуцию, было строгое повиновение старшим. Любой старший, будь то отец, чиновник, наконец, государь, – это беспрекословный авторитет для младшего, подчиненного, подданного. Слепое повиновение его воле, слову, желанию – это элементарная норма для младших и подчиненных как в рамках государства в целом, так и в рядах клана, корпорации или семьи. Не случайно Конфуций напоминал, что государство – это большая семья, а семья – малое государство. Этим сравнением подчеркивался не только патернализм внутри общества, но и тот строй семейной жизни, который реально существовал и сохранялся в старом Китае вплоть до недавнего времени: основа семьи – беспрекословное повиновение младших старшим, детей родителям.

Культ предков и нормы сяо

Речь идет о культе предков – как мертвых, так и живых. Значительно изменив содержание и формы этого культа, известного в своих основных чертах едва ли не всем народам («Чти отца и мать свою», – сказано в Библии), конфуцианство придало ему глубокий смысл символа социального порядка и превратило его в первейшую обязанность каждого китайца. Именно с этой целью Конфуций разработал учение о сяо, сыновней почтительности.

Сяо, как считал Конфуций, – это основа гуманности. Быть почтительным сыном обязан каждый, а особенно – человек грамотный, образованный, гуманный, стремящийся к идеалу цзюнь-цзы. Смысл сяо – служить родителям по правилам ли, похоронить их по правилам ли и приносить им жертвы по правилам ли. Согласно этим правилам, подробно и обстоятельно растолкованным в Лицзи, почтительный сын должен всю жизнь преданно заботиться о родителях, прислуживать и угождать им, быть готовым на все во имя их здоровья и блага, чтить их при любых обстоятельствах. Даже если отец недобродетелен, если он злодей, вор или убийца, почтительный сын обязан лишь смиренно увещевать родителя. В средневековом Китае считалось нормальным и даже поощрялось законом, что сын не смеет свидетельствовать против отца.

Культ сыновней почтительности с течением времени достиг в Китае всеобщего признания, стал нормой жизни, а выдающиеся примеры сяо, собранные в сборнике «24 образца сяо», превратились в объект восхищения и подражания. Вот несколько образцов сяо из этого сборника: бедняк, продавший сына, чтобы накормить умирающую с голода мать, находит в огороде сосуд с золотом и надписью «за твое сяо»; восьмилетний мальчик в летние ночи не отгоняет от себя комаров – пусть они лучше жалят его, а то ведь станут беспокоить его родителей; почтительный сын в голодный год отрезал от себя кусок тела, дабы сварить бульон для ослабевшего отца; добродетельный ханьский император Вэнь-ди во время трехлетней болезни матери не отходил от ее ложа, лично готовил ей еду и пробовал все предназначавшиеся ей лекарства. Эти и многие другие аналогичные рассказы призваны были с детства воспитывать в почтительном сыне готовность к самопожертвованию во имя культа предков.

Даосизм

Верхи китайского общества жили по конфуцианским нормам, исполняли обряды и ритуалы в честь предков, Неба и Земли, согласно требованиям Лицзи. Любой из тех, кто находился выше уровня простолюдинов или стремился выдвинуться из их среды, должен был подчинить свою жизнь строгому соблюдению этих норм и церемоний. Без знания и соблюдения их никто не мог рассчитывать на уважение, престиж, успех в жизни. Однако ни общество в целом, ни человек в отдельности, как бы ни были они скованы официальными догмами конфуцианства, не могли всегда руководствоваться только ими. Ведь за пределами конфуцианства оставалось мистическое и иррациональное, не говоря уже о древней мифологии и примитивных предрассудках. А без всего этого человек не мог время от времени не испытывать чувство духовного дискомфорта. Экзистенциальная функция религии в этих условиях выпала на долю даосизма – учения, ставившего своей целью раскрыть перед человеком тайны мироздания, вечные проблемы жизни и смерти.

Конфуций не признавал духов и скептически относился к суевериям и метафизическим спекуляциям: «Мы не знаем, что такое жизнь, – говаривал он, – как же можем мы знать, что такое смерть?» (Луньюй, гл. XI, § 11). Неудивительно, что все смутное, подсознательное, относившееся к сфере неподконтрольных разуму чувств, конфуцианство оставляло в стороне. Но все это продолжало существовать, будь то суеверия простого народа или философские искания творчески мыслящих и ищущих индивидов.

Даосизм возник в чжоуском Китае практически одновременно с учением Конфуция в виде самостоятельной философской доктрины. Основателем философии даосов считается древнекитайский философ Лао-цзы. О нём в отличие от Конфуция в источниках нет достоверных сведений ни исторического, ни биографического характера. Именно поэтому Лао-цзы считается современными исследователями фигурой легендарной. Легенды повествуют о его чудесном рождении: мать носила его несколько десятков лет и родила стариком – откуда и имя его, «Старый ребенок», хотя тот же знак цзы означал одновременно и понятие «философ», так что имя его можно переводить как «Старый философ». А также легенды повествуют и о его уходе из Китая. Идя на запад, Лао-цзы любезно согласился оставить смотрителю пограничной заставы свое сочинение – Дао-дэ цзин.

В трактате Дао-дэ цзин (сер. III в. до н. э.) излагаются основы даосизма, философии Лао-цзы. В центре доктрины – учение о великом Дао, всеобщем Законе и Абсолюте. Понятие Дао принято переводить на русский язык как Путь. Дао господствует везде и во всем, всегда и безгранично. Его никто не создал, но все происходит от него. Невидимое и неслышимое, недоступное органам чувств, постоянное и неисчерпаемое, безымянное и бесформенное, оно дает начало, имя и форму всему на свете. Даже великое Небо следует Дао. Познать Дао, следовать ему, слиться с ним – в этом смысл, цель и счастье жизни. Проявляется же Дао через свою эманацию – через дэ, и если Дао

все порождает, то дэ все вскармливает. Все происходит от Дао и к нему же возвращается.

Отсюда вытекал второй важный момент в философии даосизма – учение об относительности бытия, жизни и смерти. Не сыскать ничего лучшего для иллюстрации, чем притчу о философе Чжуан-Цзы, изложенную в первой главе одноименной книги. Однажды философу Чжуан-Цзы приснилось, что он бабочка. Внезапно проснувшись, он не мог сразу понять, то ли он Чжуан-Цзы, которому привиделась во сне бабочка, то ли он бабочка, которой приснилось, что она Чжуан-Цзы.

Третий теоретический момент в даосизме – это принцип недеяния. Недеяние в даосизме означает отказ от любой деятельности, сообразующейся только с эгоистическим человеческим «Я», и на этой основе – стремление к гармонии с окружающим социальным и природным миром. Недеяние практиковали и первые в Древнем Китае отшельники-аскеты из даоссов.

Но даосизм никогда не превратился бы в религию, если бы не ставил перед собой цели указать путь к сверхъестественному совершенству. Таким путем и стало в даосизме сформировавшееся к началу нашей эры учение о бессмертии и путях его обретения.

На мысль о возможности продления в том или ином виде человеческой жизни явно наводило уже учение о Дао, остающемся вечным и неизменным в круговороте бытия. Впрочем, обоснование бессмертия в даосизме могло даваться на самых разных уровнях – и философском, и религиозном. Понятно, что в первом случае оно удовлетворяло запросы сравнительно небольшой, но высокообразованной элиты, во втором – широких народных масс.

На религиозном уровне утверждалось, что тело обычного человека населено 36 тыс. духов, каждый из которых связан с определенным органом или функцией организма. Простой человек ничего не знает об этих духах и не заботится о них, разъясняли даосы. Но тот, кто стремится обрести бессмертие, должен всевозможными способами воздействовать на духов и не давать им уйти из тела. В таком случае сила духа будет потихоньку возрастать, а вместе с ними преобразуется и тело человека. Когда данный процесс пойдет достаточно далеко, именно духи станут преобладающим элементом в теле человека, оно деморализуется, позволив его обладателю вознестись на небо и стать бессмертным.

Свою доктрину бессмертия даосы старались подкрепить чудесными историями о конкретных примерах фантастического долголетия или небесного бессмертия. Главными героями таких историй зачастую выступали либо древние отшельники, удалившиеся от мирской суеты и тем самым исчезнувшие из поля зрения людей, либо знаменитые даосские маги, преуспевшие в изобретении «эликсира бессмертия». Таких персонажей было принято изображать в виде древних старцев, однако с по-младенчески розовыми щеками и невинными блестящими глазками.

Внешне это учение не выглядит чем-то необычным с точки зрения других религий, для которых учение о спасении души выступает одним из самых важных основ их вероучения. Недаром, по свидетельству некоторых христи-

анских миссионеров конца XIX – начала XX в., многие последователи даосизма не хотели принимать христианство именно потому, что в факте воскресения Христа не видели ничего необычного. Тем не менее в учении о бессмертии в даосизме можно выделить по меньшей мере две особенности, отличающие его от подобных учений в других религиях. Во-первых, если большинство других религий во имя обретения бессмертия предпочитают бороться за душу, а уж потом за тело, то даосизм, наоборот, отдает предпочтение совершенствованию тела, видя в этом залог спасения души. Во-вторых, даосизм не сформулировал доктрину всеобщего спасения, бессмертия всех людей. Он оставлял его для немногих избранных личностей, предлагая всем остальным остаться в круговороте Дао и продолжить свое существование в виде мыши, насекомого или листочка дерева, после того, как их душа после самостоятельного недолгого посмертного существования растворится в земле или воздухе.

Особой самостоятельной сферой даосской практики бессмертия являлась «алхимия». Она предполагала, что ввиду единства окружающего мира процессы превращения различных металлов подобны биохимическим процессам, происходящим в природе и человеческом организме. Поэтому в алхимической реторике можно приготовить состав, дарующий бессмертие – «золотую пилюлю». Если используемые в эликсирах ингредиенты и имели лечебные свойства, то эти свойства рассматривались как вспомогательные. Вот один из самых простых рецептов даосских алхимиков: *«Нужно взять неоперившихся птенцов и выкармливать их истинной киноварью (раствор, содержащий ртуть) и говядиной. Когда они подрастут, а их перья и пух покраснеют, их следует убить и сто дней сушить в тени. Затем надо растолочь их перья и принять количество, уместяющееся на кончике ножа, тогда через сто дней обретешь долголетие на пятьсот лет»*. Желающих использовать этот рецепт следует сразу предупредить: для его приготовления, равно как и для изготовления других ему подобных чудодейственных эликсиров, необходимо надолго уединиться в некоторых труднодоступных горах, где обитают настоящие духи, а также люди – великие бессмертные, постоянно поститься, совершать жертвоприношения, пребывать в особом состоянии духа, предварительно достигнув высокой степени нравственного совершенства и т. д.

Впрочем, совокупность приемов и методов обретения бессмертия можно считать лишь одним, «высшим» пластом религиозной практики даосизма. В ней легко проследить и другой, «низший» или «простонародный» пласт, который включал в себя все то, что мы сейчас называем «оккультными науками». От него отвернулись образованные конфуцианцы, чьи социально-политические взгляды считались официальной идеологией власти, а впоследствии и буддисты, которые не могли рассматривать его иначе как «языческие» пережитки архаических верований и культов.

Связь обоих пластов даосизма была довольно своеобразной. Зачастую представители низшего даосского духовенства, занимавшиеся гаданием, лечением, составлением гороскопов и т. д., просто эксплуатировали авторитет даосизма как религии обретения бессмертия для привлечения внимания ве-

рующих к своей деятельности, не имевшей к данной цели никакого отношения. Правда, нельзя не признать, что огромный отряд профессиональных даосских гадателей, предсказателей и заклинателей сам по себе популяризировал даосизм во всех слоях китайского общества.

Чем же занимались даосы на этом «нижнем» уровне? Во-первых, они проделали гигантскую работу по тщательному изучению и приведению в систему накопленного за века астрологического материала, составили огромное количество гороскопов, астрологических карт, гадательных книг и т. д. В результате ни одно мало-мальски важное событие в жизни любого китайца не обходилось без приглашения даоса-гадателя, ни одно строительство не начиналось прежде, чем он решал вопрос о том, подходит ли для этого данная местность. Во-вторых, даосы-заклинатели в миллиардных количествах продавали обереги – заклинания из нескольких знаков, часто с изображением какого-либо идола, начертанными на бумаге желтого или красного цвета. Наконец, даосы-знахари усердно лечили больных и препаратами, где лекарственные травы часто перемежались с ядовитыми веществами, и средствами психотерапии, вытекавшими из упования больных на сверхъестественные возможности врачей и прописываемых ими лекарств, а часто и с помощью обрядов изгнания из больного вызвавших болезнь духов.

Элементы религиозной организации в даосизме появились только во II веке нашей эры. На ранних этапах своей истории государственное образование даосов было строго организовано и состояло из 24 общин, которые возглавляли наследственно правившие «епископы». В каждой общине выделялась группа духовных наставников – даосов, которые совмещали религиозные обязанности с административными. У них существовали собственные обряды.

Жизнь же простых мирян под недремлющим оком даосских наставников была организована таким образом, чтобы избегать грехов и тем самым приближать человека к великой цели даосизма – бессмертию.

От «государства» даосов со временем отпочковались многочисленные даосские секты, сохранившие в общих чертах коллективную даосскую обрядность. В VII–X вв. возник и институт даосского монашества. Как правило, монахи жили в собственных монастырях или совместно с буддистскими монахами. В отличие от остальных даосов, они соблюдали строгое безбрачие и часто – вегетарианскую диету, отличались от мирян высоким уровнем образованности и внешними признаками – одеждой и прическами.

В разветвленную организационную структуру даосизма удачно вписывался и даосский пантеон, вобравший в себя все наиболее популярные в народе древние суеверия, божества, духи, культы и т.д. Их общее количество даосы даже не трудились определять.

В даосизме не существует аналогов Священного Писания религий других народов. Даосский религиозный канон (Дао-цзен) представляет собой, скорее, полное собрание даосских философских, религиозных, алхимических, астрологических трактатов, собранных в XI–XII вв. Он включает в себя

примерно полторы тысячи произведений, изданных в пяти с половиной тысячах томах.

За свою историю даосизм прошел тернистый путь. Возникнув в середине первого тысячелетия до нашей эры как философское направление, он уже до конца первого тысячелетия нашей эры оформился в народную религию Китая, в разное время даже провозглашался официальной религией, во втором тысячелетии активно преследовался властями. В середине XX века даосизм, насчитывавший более 20 млн последователей, был в коммунистическом Китае практически искоренен. В самом Китае продолжают функционировать даосские храмы, многие из которых охотно посещают китайцы других конфессий.